

Татьяна ГРИБАНОВА

ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022

Грибанова Татьяна Ивановна родилась в 1960 году в деревне Игино Сосковского района Орловской области. Автор более десяти книг стихотворений и прозы. Произведения публиковались во многих литературных изданиях России. Лауреат ряда международных и всероссийских литературных премий и конкурсов, обладатель специального диплома премии «Прохоровское поле» и диплома национальной премии «Щит и меч Отечества». Член Союза писателей России. Поэт, прозаик, публицист. Живёт в Орле.

ТАК И ЖИЛИ (отрывок из повести)

...Как бы ни хотелось, не выкинешь из жизни ни тех четырёх зачеловечных лет, ни первых послевоенных. Не смахнёшь их тряпкой, будто со стола крошки. И всей тяготы послевоенной разрухи не смахнёшь... Но всё же... всё же, когда Алёна Тарасовна оглядывается на прожитую жизнь, вопреки всем страданиям, ей припоминается по большей части хорошее. А оно, это хорошее, всё самое радостное, самое дорогое, как ни крути, приросло к душе намертво, и толстенной вазой конопляной верёвкой, тугим – до последнего, остатного вздоха не развязать – узлом притянуто к каждодневной – от зари до зари – заботе о земле, об уходящей в неё уже по самые оконушки избе, о невеликом вдовьем подворье.

Но самое заглавное из всего хорошего, что с Алёной случилось в её долгой жизни, что Господь позволил испытать, сокровенно нежное и ласковое, от чего при одной мысли душа её умягчается, будто доброе праздничное тесто, от чего дыхание перехватывает, точь-в-точь как бывает, когда на Крещение в родник Святителя Сергия окунаешься – и ознобка, и в жар кидает, а счастливо, – так это, конечно, неподвластное никаким описаниям чувство материнской радости.

Двое их, деток-то, у Алёны Тарасовны. Может, кто скажет: ишь, мол, чем удивила, не в ред-

кую стёжку и шестёрку товарки её поднимали. Коли посчастливилось да случилось бы прижить с Васей столько-то, а и она бы сдюжила! Как не обихаживать, коли все свои, все родненькие?

Ну, коли об этом речь зашла, так если уж доточно сказать, соседские, Матрёнины старшенькие Колька с Настёнкой тоже под её приглядом возрастали. Малышню, погодок Кирию с Глашей, после Матрёниного ареста подобрали в детдом – как-никак десятку ей тогда вlepили, да и сгилла она, говорят, половины срока не протянув, – сосной на лесоповале пришибло, – как им, бедолажкам, жить? А эти, уж смышлённые, упёрлись – ни в какую! До трёх раз домой сбежали, покуда, наконец-таки, махнули на них рукой: мол, так и быть, и оставили на попечение колхоза. Кольке – тринадцать, Настюшке и того меньше, только одиннадцатый пошёл. Время-то какое было! У колхоза работы круглый год – невпроворот, да ещё разруха какая! Детвора и своя у баб – за покидместо, не до Матрёниных сирот...

Жили они в соседях. Ну, какое сердце должно быть у Алёны, чтобы, наварив своим чугунок похлёбки ли, картох ли, знать, что Матрёниных ветром шатает. Колька, правда, чтоб не ходить побираться, на лето пристроился в помощники

к пастуху. Люди наши по натуре жалостливые, покуда вдоль деревни пройдёт – кто ломоть хлеба в карман сунет, кто ещё чего. И зимой тоже без дела не сидел: кому воды натаскает, кому дров нарубит, глядишь, какой кусок и перепадёт. Так и кормились с сестрёнкой.

Как пожалеть в таком разе Алёне для сирот похлёбки? А постирать, а приглядеть в учёбе? Настёна, так та и поныне мамкой её кличет. У самой-то Алёны пацаны потом народились, а тут – девчонка. Всё-то, бывало, к Алёне льнёт... ласковая такая. Всё рядом норовит. Так и можно понять – десяти годочков осталась без мамыньки... был бы хотя бы уж батька, но и Петра война не пощадила.

Прносила Алёна сквозь дыру в плетне – напрямки, значит, – с полгода туда-сюда соседской детворе чугулки, а потом и вовсе пригребла их в свою хату.

Нет, нахлебниками, дармоедами она их никогда не считала, да и по сей день не считает. Мамка была у них работающая, под стать ей и ребята, нечего зазря хаять. Никогда на шее у Алёны они не сидели. Колька, было, даже учёбу забросил: мол, мужик я или кто? И только после крутого разговора с Алёной – даже поркой припугнула, чего «ни в жисть» не было, заново сыскал закинутые на чердак книжки. Да и Настёнка всегда была ей помощницей: как дети пошли, пока она в поле, и за Никиткой с Андрюшкой приглядит, и пару грядок на бакше выполет.

Выросли... Семьями обзавелись... Вот бы мать сейчас порадовалась, какие у неё ребята случились. И младших разыскали, знаются, роднятся... Жаль, правда, в колхозе никто из них не осел. А так – все четверо выучились, мальчишки оба-два в слесарях, при заводе, значит. И девчонки при деле пристроились, балды зазря не бьют, от дела не лыняют, пошли по швейному. До работы жадные, так, видать, в роду их заведено, хотя... есть – какой уж тут секрет? – есть... пусть малая, а всё ж таки есть в том, что ни говори, и Алёнина заслуга.

Дети – они, хоть как подойди, – дети, свои ли, чужие... А коли ещё и в беде?.. Так что Матрёна,

коли сведёт их Боженька в Царствии Небесном, спросит про свою ребятню, не должна на Алёну по-соседски обижаться.

Видать, и Колька с Настюшкой на неё не в обиде. Письма пишут, не забывают её приёмышы. Вот только неделю назад посылку почтарька принесла. От Насти. Крышку-то с ящика старушка откинула, а там! Парочка, тёмненькая, по её годикам, да шерстяная! Кофта с юбкой. Век такой не нашивала Алёна Тарасовна. Прибрала в сундук, от моли, от всякого-разного шашалу свежую веточку полыни поверх них положила. А чего такую красоту по подворью – за ворота ведь старушка, почитай, лет пять не выбирается, – за каким же делом тогда костюм Настёнин мызгать? Решила приберечь к важному событию – к Господу в нём не стыдно явиться. Оно понятно: Ему её наряды эти бабские ни к чему. Но иного серьёзного дела в ближайшее время у старушки, вроде, не намечается.

Да... Жила Алёна со своей четвёркой не сказать, чтоб шиковала. А кто по той поре шиковал-то? Но, с какого боку ни подойди, а всё ж таки одной, без мужика поставить на ноги четвёрку, каждому вправить, куда положено, мозги, проследить, чтобы руки от нужного места росли – это не фунт изюма. Одной одежи-обутки, ну-ка, припаси! И за столом опять же – пять ртов.

Конечно, кабы не бакша, куда там!.. Она, кормилица, хоть конфеты-жамки не родила, но лямку свою тянула по совести. Правда, бывало по-разному. Год на год не приходилось, когда уродит поболее картох, когда бураку, когда того и другого – от души, а бывало, что и шиш с маслом.

Тогда затягивай Алёна на «кухвайке» Васин ремень на все остатние дырочки, да иди пошвыдче трудодни в колхозе зарабатывать. Только на них и надёжа, может, по ним чего обломится: той же картохи, того же бурака, того же хлебушка.

Одним словом, всё лучше, когда ты из нутра сам по себе не ленивый. Или мать-отец успели, коли такой хворобой сызмалу баловался, хорошо, если они озаботились да из тебя эту дурь, покуда ещё без штанов ходил, берёзовой кашей-то повыдурили.

Четвёрку вырастить, чего только не припомнишь, чего только с ними не случилось! Вот был как-то случай с самым младшеньким, с Андрюшкой. Чтоб не лындали, уходя на ток или в покос, Алёна, как заядлый бригадир, распределяла меж детворой заботы по усадьбе: кому нынче лук-моркву полоть, кому за клушей следить – повадилась тоже, настырная, цыплят за бакшу, в хлеба уводить, прилучит, ох, прилучит их тамotka лиса, всех до единого положит. Насте – наряд особый: по дому прибраться, бельё на запруде располоскать – Алёна ещё до свету отстиралась.

В тот день дома были Андрейка да Настя. Колька пас с дедом Гром Громычем в Закамнях на молодой отаве коров. Никитку откомандировали в сельпо: соль подъялась, спички извелись, огня в печи не развести, хоть трутовиком поджигай.

Андрейка – годов шести, кажется, тогда был. Окучив, сколько ему на нынче отвели гряд, не сказавшись Настёне, прихватил из-под повети свои припрятанные удочки и айда на рыбалку, покуда Настюшка ещё какой дели не сыскала. Она покомандовать Андрейкой любит. Дай только волю! И сама без дела не сидит, и ему не позволяет. Вроде всё переработали, ан нетушки! Усядется Настя вязёнки к зиме вязать, а ты – на ж тебе! – клубок ей держи. Ай, он с углами? Сам по крыльцу кататься не может?

Хитрит Настёна, держит Андрейку на ниточке, точь-в-точь, как Полкана на цепи. И не сбежишь, варежки позарез нужны – зимой руки на горке ещё как мёрзнут. А вяжет Настя ме-едленно, и не потому, что недавно выучилась, просто чтобы подольше Андрюшку никуда не отпускать. Но все её хитрости для мальчишки были всегда шиты, а точнее, вязаны белыми нитками.

А вообще-то улизнал Андрюшка не за-ради гулянки. Завтра у мамки именины. Не приведи как нужен подарок, прям-таки позарез. Алёнке проще – носки для неё ещё когда-когда свостожила. Никитка, тот свой подарок держит в секрете. Кольке проще всех – набрал на пастьбе пучок земляники – и голову ломать не надо. А у Андрейки прямо беда с этим подарком. И зачем они нужны, эти именины? Только голову

морочить с ними. А всё Настёна-зачинщица: «Давайте маме праздник устроим! Давайте подарки сготовим!». Сёмка Филин вчера, как за щавелем ходили, рассказывал: цельную снизку карасей из торфяных ям за каких-то два часа натаскал. Он наловил, а Андрейка чем хуже?

Эта его рыбалка не только их семейству, но и всем деревенским помнилась до-олго! А всё крючок непутёвый! Видать, дед Кит их какие-то неправильные ладит. Карасей в тех ямах Верхнедольных на дух не видать, ни одного-шеньки не попалось, хоть просидел Андрюшка в валерьянниках с полудня до самой вечерней зари.

И уж было домой неудачливый рыбак засобирался, как леший его подзадорил: дай, думает, закину в последний раз, чем чёрт не шутит? Ну и закинул. А крючок возьми да за что-то – в яминах вода коричневая, не разглядеть, – вот он, малюсенький, возьми да к какой-то коряжине и прицепись. Плавать Андрейка ещё не выучился, дёрг-подёрг удочкой. Не тут-то было: накрепко держит коряжина, а может, даже сам лешак! – Андрейкин крючок.

Можно было, конечно, бросить его, заразу, да уж больно достался он мальчишке дорого: корзинку подзавяз подобабков пришлось деду Киту в березняке набрать. Жадюга-старикан дешевле ни за какие коврижки крючок ладить не станет, сколько ни упрашивай.

Свезло так свезло тогда Андрюшке! Если бы мимо тех копаней Колька не прогонял на вечернюю дойку стадо, так бы никто и не знал, куда запропал мальчишка. Земь вокруг ямины торфянистая, приболоченная. Вот он возьми да и ошмыгнись. Да... кабы не случайный случай, не подвернись Колька!..

То ли от перенесённого страха, то ли просто застудился, вода ведь в торфяниках не ахти какая тёплая, ночь напролёт пробредил мальчишка в огненном жару, а на другой день и вовсе слёг.

Дети болеют часто. Можно бы об этом не вспоминать, сколько тех хворобин у Алёниных ребятишек было – одна за другой, как гольцов в Жёлтом, не сосчитать. Но случай этот

с Андреейкой чуть было под корень не изменил Алёнину судьбу. Как ей о том позабыть?

Ну так по порядку. И надо бы зайти чуть раньше. А раньше-то Алёнка, с довоенной поры, когда ещё под штапельной её кофтёнкой на груди и бугорочков не проглядывалось, глянулась Петру Звягину.

«Титьки что? – размышлял Петька. – Эти дела у их сестры без дрожжей поднимаются, нынче – прыщ прыщом, оглянуться не успеешь, а уж через годок другой и выладнится девка, и в грудях всё, как положено: если Господь расщедрит – два капустных кочана, а если попридержит, в полмеры по какой причине отмерит, то и тут неплохо, потом ведь всё одно разбабится».

Но Петро – парень уже взрослый, за ручку с малолеткой ходить, какой ему с того резон? Видать, новый добротный двор и Свиридыхина покладистость в делах амурных перетянули чашку весов. И хотя попытки «захомутать» Алёнку были у него ещё не один, да и не два раза, Петька всё же решил отступить от неподатливой гурьевской девчонки.

А в оккупацию, при немце, на Алёнин счёт он опять интерес заимел. Может, надеялся, как ни пеняли ему односельчане: мол, позорные твои бельмы, не устыдился, с кем дружбу-то свёл? Может, побластилось Петьке, что теперь он при власти, вдруг оголодавшая девка на его паёк клюнет, вдруг да всё ж таки позарится?

Ан нет, побрезговала Алёнка фашистским прикормом. И раньше-то был ей Петро не по сердцу, а теперь, когда в паре с Толькой Прошкиным на глазах у всей деревни на побегушках у фрицев крутился, – и вовсе. Те, подлюги, сладив у комендатуры виселицу, лишили жизни Алёнину подружку Лиду Сарычеву вместе с дедом её Федотом.

Всё нутро в Алёнке закипало при одном только упоминании о Петьке. Да иначе и быть не могло. Это кому сказать только, какие они с Толькой гниды! Каждый в Маланичах знал – знал, да язык за зубами держал, что у старика Федота ховаются два красноармейца. Вся деревня молчала, а они, прихвостни, всё-таки не стерпели, донесли.

В тот день, когда немцы наших из деревни выбивали, взрывом разнесло у Сарычевых хлев.

Корова, ясное дело, от безумия зафордыбачила. Взревела, взмычала, хвост кверху, понесла вдоль Маланичей и скрылась из виду.

Дед Федот ещё за год до войны сел на ноги, а жили они с внучкой вдвоём; пришлось Лиде в поисках ошалевшей скотины все маланичские закрайки обежать. Манюню не сыскала, видать, ктой-то в неразберихе – громыхало-то, громыха-ало! – попользовался кормилицей, зато под вечер, когда уж и ног под собой не чуяла, проходя мимо Сырого овражка, девушка натолкнулась на четверых наших бойцов, рядом – развороченная пушка. Скорее всего, прикрывали отступление своих товарищей.

Над теми, у которых и ликов не рассмотреть, уж и мухи начинали зундеть. Первый, совсем молоденький, которому задело живот, лежал обочь обгорелых, вывороченных тальников, видать, взрывом отбросило. Этот даже не стонал, уставился в кроны верб и только перебирал пыльными, потрескавшимися губами.

Пытаясь разобрать его думки, Лида приклонила к зелёному от страданий лицу своё ухо, но даже так не сумела расслышать его шёпота.

А другой, с разорванной, даже жутко смотреть, ногой, сидел, прислонившись спиной к глинистому откосу в глубине оврага. Он, то забывался до немоты, то принимался несвязно сам с собой разговаривать, то вдруг ни с того ни с сего, отдышавшись в забвении, снова спохватывался и орал из последней мочи, приказывая своему уже не существующему расчёту, перезаряжать оружие. Хотя в званиях Лида совершенно не разбиралась, но и она смекнула: по всей видимости, командир.

Немцев в деревне ещё не было. Но Маланичи в предчувствии неминуемой беды, в ожидании супостата уже вымерли. На улицах – ни души, даже собаки, чувствуя настрой хозяев, и те не гамкали.

Лида сбегала за подмогой. И, погрузив солдат на ручную тележку, – последних колхозных коней забрали на нужды отступающих, а на ходы уложили тяжёлораненых, – вдвоём с Алёной они с горем пополам дотащили по выбитому просёлку полуживых красноармейцев в Федотову избу.

Молодой маланический фельдшер Илья Андреич, давно рвавшийся на фронт, наконец, ушёл вместе с отступающими, уболтал-таки их командира: мол, бои кровопролитные, в лазарете не справляются, рук не хватает, и он будет им в подспорье.

После его ухода спасать от хворей – ран ли военных, поносов ли детских, на пять рожениц и старых стариков осталась лишь одна выручалка – лекарка бабка Мотя. Её и привели.

Неделю бабка сиднем просидела около слаженного специально про раненых топчана. Поначалу она осмотрелась, наказала Лиде смотаться к ней в избу, пошебаршить в чулане, принести тот-то и то-то.

Затопили печь, нагрели воды. Со стонами – только уважая деда Федота и бабушку Мотю, ребята проглатывали из-за боли матюги, – но их всё ж таки, как смогли, наконец, обмыли, обтёрли, покопавшись в сундуке, переодели в дедовы чистые рубахи, и те, вроде, стали походить на живых.

Потом, чтоб уже навовсе привести в чувство, Мотя ещё две недели при дневном свете плевала, шептала, окуривала военных да и самого Федота вместе с его избой можжевельным духом, поила какой-то горчучей преполынной дрянью, а на все ночи напролёт вставала на колени у Божницы.

И, вроде, у неё получилось, вроде зеленушность с лица командира спала. Волоком, волоком ногу, а всё ж таки стал на своих двоих выбираться он до ветру. Пошёл на поправку и молоденький его подчинённый.

Имена тех служивых отчётливо врезались в память Алёны, бывало, каждый Божий день с утра, а то и по вечерней заре, наведывавшейся справиться о здоровье красноармейцев. Командира, лейтенанта, как сейчас помнит Алёна Тарасовна, звали Иван, Иван Костров, а парнишку веснушчатого – Лёха Кречетов...

Глядишь, может, и пуля их больше не коснулась, может, и снаряд бы облетел стороной, а там и до Победы бы дошагали. Разъехались бы с того Берлину, один в свой Тамбов, другой на Вологодчину к своим семьям, где все глазоньки по ним проглядели, где уже и не ведали, какими молитвами их у смерти вымолить.

Где же был в ту пору Господь, по каким-таким наиважнецким делам от пригляду за своим миром отлучился? – не раз потом в своей жизни убивалась над гибелью почти спасённых ими с Лидой, почти выхоженных бабкой Мотей бойцов Алёна Тарасовна, – и на кого Он только в тот день переложил своё внимание?

Вспомнит, бывало, она, как, привязав верёвками к танку, волочили их фрицы по первопутку вдоль всех Маланичей, так душа её и захохотывает. Так и запросит кары небесной для сдавшего их фашистам недавнего своего ухажёра и обожаемого Петьки Звягина.

Мало ему! Мало ему, душегубу, дали десятку за таковские дела его, надо бы, хоть и не велит Господь око за око, но с такими только так, чтоб впредь не повадно было, самого на той-то верёвке вздёрнуть. А то ишь ты! Отсидел, вернулся, и разгуливает вдоль Маланичей ничем-ничуть не совестясь: искупил, мол... Он-то отсидел... а молодых ребят-то нету... Не народились ни дети от них, ни внуки... А каково их матерям?..

Но хоть её Господь от Петьки уберёт, не дал-таки в обиду. А, бывало-то, Зинаида Звягина, мать его, зная, что сын по гурьевской девке сохнет, всё привечала Алёнку, всё «невестушкой» своей называла. Страшно становится Алёне Тарасовне от одной мысли: что как сошлась бы с этим иродом?

Всякие-разные женихались к Алёнке. Но ни для кого, как для Васи, майским широким цветастым половодьем так и не заиграло её сердце. Разве что для Ильи Андреича?.. Да о чём теперь говорить-то? Может, и разбутонилась, было, её душечка за-ради Илюши, может, и обнадеялась её вдовье надтреснутое сердечушко на малюсенький кусочек счастья, только ведь испоконь не напрасно толкуют, не раз ведь испытано, что на чужом горе своё гнездо-счастье не вьют.

Говорить-то говорят... Убеждают, упреждают, только человек, видно, так слажен: покуда сам шишек не насбивает, на чужие и внимания-то не обратит. Мол, у него-то уж точно получится, ему-то наверняка должно повезти. А не брать в ум, не опереться на исковерканность чужих судеб – напрасно. По одним Божьим дорогам ходим, об одни горшки обжигаемся.

Илья вернулся в Маланичи вскорости после гибели Василия, месяца через два. Уже никто и не ожидал, не надеялся. Порешили: сгиб парень. Сколько их тогда осталось лежать по чужим землям! Но он всё-таки вернулся. Как потом рассказывал, успел повоевать и с японцами. Задержался в тех дальневосточных краях, думал было осесть, да потянуло в родные места.

Уходил фельдшер на фронт пацан-пацаном, первый год после учёбы. А вернулся возмужавший, и в плечах, кажется, раздался, да и ростом вымахал. Одним словом – самый мужик.

Только вот посуровел. И в глазах вместо задорных бесенят, которыми сводил, бывало, с ума маланичских девчонок, таилась неизбывная печаль. Видно, прошедшему войну капитану выдалось повидать такое, что тем девчонкам и в самых кошмарных снах не снилось. При встрече, стараясь ненароком не задеть Илью за живое, истомившиеся по мужской ласке молодые вдовы бабы и девчонки даже не пытались затевать с ним прежних шуры-муристых подшкеливаний.

Как заступила на пост заведовать медициной в Маланичах престарелая баба Мотя с уходом Ильи Андреича на войну, так продолжала и до самого его возвращения. То-то ей было радости! Наконец-таки и ей послабление вышло – передала дела свои хворобные из рук в руки, как и положено, фельдшеру.

Хоть и привыкла Алёна по большей части обходиться бабы Дарьиными запасами трав, в крайнем случае, для их усиления, призовёт, бывало, на подмогу всё ту же бабу Мотю, но когда в твоей избе четвёрка ребятишек, тот, кто испытал, не даст соврать, нет-нет, да кто-нибудь из них всё одно занедужит. Порой такой хворобиной, что хоть криком кричи, хоть волосья на себе рви, а ничем-ничегошеньким с той болячкой без лекарств покупных, без врачебного досмотра не справиться.

Так и случилось с самым младшеньким, с Андрейкой. Он вообще был на всяческие напасти горазд. Казалось, они так и ползают за мальчишкой ядовитой гадюкой, так и дожидаются, когда удастся в очередной раз подкусить.

И чего только с ним сызмала ни приключалось! Ох, и нанянькалась же со своим младшеньким Алёнкой! То наестся вместе с соседским Кузькой дурману, да так, что еле бабка их, глупышей, отходила. То в торфяной яме, помнится, чуть не захлебнулся. То полез за вороньими яйцами на Меркалихины ракетки, гнёздовый там – видимо-невидимо, – яишню опять всё с тем же другом Кузькой Тороповым надумали жарить. Огребал, значит, гнезда да обмешурился, на сухой сук понадеялся, а тот возьми, да и хрясь! Мало, шмякнулся в самые репы, не прочесать, обрили налысо, так ещё и ногу, считай, навыворот своротил.

Всё с Андрюшкой, так или иначе, по большей части, правда, «лагополучно» обходилось. Но в тот раз, когда он уже вторые сутки метался в жару, Алёнка не на шутку струхнула и послала Никитку за фельдшером: беги, мол, сынок, пошвыдче, а не то велик у Кузьки спроси, он, говорят, немецкий справил, поезжай за Ильей Андреичем, скажи: опять наш пострел чегой-то начередил, ни крошки в рот не берёт, весь на пот изошёл.

От кого уж там Андрюшка подцепил сыпняк, один Господь ведаёт, только на этот раз, и правда, дело было плохо. Маланичи, вроде, эта напасть обошла стороной, помиловала. Алёна могла лишь догадываться, где сумела прилепиться к сыну эта зараза. Несколько дней квартировались на старых колхозных фермах пленные немцы. Видать, от них. Гнали их, порушенных, в область. По слухам, там они поднимали из развалин ими же разбитый железнодорожный вокзал.

Тогда не раз бегал Андрюшка поглазеть на «хрицев». Те, видать, соскучившись по оставленным в Германии семьям, рады были общению с ребятишками. Из подручного материала мастерили для них всяческие простецкие игрушки в обмен на картофелину, яблоко, ломтик хлеба.

С тифом шутики плохи, за болезным – глаз да глаз. Поначалу Илья Андреич приходил в Алёнину избу по два раза на дню, потом и вовсе зачастил: мол, Андрейка пошёл на поправку, теперь бы доглядеть, не упустить, чтобы вспышка не повторилась.

Так и протоптал Илья тропку к Алёниной избе. Поставив мальчишку на ноги, уже совершенно без повода продолжал и продолжал заглядывать. Видно, крепко-накрепко притянулась у него душа к молодой вдовице. И с глаз его начала омываться печаль, даже повеселел. И ребятишек, считай, за своих принял.

Потянулось было и Алёнино сердечушко к красавцу фронтовику. Запоздает ненароком, не явится фельдшер в обычный час, уж и душа у бабы – в кои-то веки! – не на месте: а ну как другую приметил? Баб сейчас, охочих до такого мужика, эвон сколь сыщется... а он каждый день на людях, не одна, так другая прилипнет.

«Да что ж мне с ним делать? Ажни сердце падает! Любая-каждая в Маланичах приняла бы за честь внимание такого завидного ухажёра, – раскидывала умом тогда Алёна, – так чего ж тебе-то, вдовой да с довеском в четыре рта кобызиться? Потом ведь близок будет локоть, да уже не укушишь!»

Но дело даже не в том, что Илья нравился другим. Главное, что её сердце не отвергало его, и, кажется, вопреки отчаянию, охватившему её после смерти мужа, вопреки твёрдой уверенности, что другого такого родного, такого близкого уже не встретить, вопреки всему этому, она почти уверилась, что сердце её способно вновь полюбить и распахнуться навстречу счастью.

Случилось то, что случилось. На всё воля Божья. Может... да нет, конечно, всё случилось к лучшему... по крайней мере, в судьбе Ильи Андреича.

Уж и таиться от чужих глаз они перестали – всё одно ведь в деревне от чужих глаз не скроешься, все, как есть, друг перед дружкой, как на ладони. Уж и на ночь Илья стал оставаться у Алёны. Порешили: колхоз подымет ему избу – на другом конце Маланичей сруб заложили, и к Успенью пятидесятого года Илья Андреич должен был войти в свою новую пятистенку. С Алёной и её детворой. Новый председатель волновался: «Ну как переманит какое другое хозяйство фельдшера? А им без медицины никак нельзя, бабка Мотя, Царство ей Небесное, как ни тужилась до веку дотянуть, пяти дён не осилила, преставилась. Так что кровь из носу,

а фельдшера в Маланичах надо удержать». Но не случилось.

Только когда почтарька принесла письмо из какого-то неведомого Алёне до той поры, но запавшего в её душу на всю остатнюю жизнь небольшого городка Бежецка, – это где-то, как узнала она потом, аж под Тверью, – только тогда стало ясно, по какой причине у возвратившегося с войны Ильи была на сердце такая гнетущая печаль.

А дело-то самое что ни на есть простое, жизненное. Не он первый, не он последний... Война непредсказуема!.. Что хотела, то с людьми и творила. Кого сводила на своих дорогах, кого на веки разводила. Нет... Это хорошо, что Илье, пусть не сразу, а всё-таки повезло...

Военфельдшер Илья Чекмарёв служил в полевом госпитале на Южном фронте, когда первая танковая армия врага, соединившись со своей шестой армией, двадцать третьего мая сорок второго взяла в кольцо две советские армии: шестую и вдобавок их, пятьдесят седьмую, которая вела тяжелейшие бои на самой дальней окончности Барвенковского выступа.

Во время прорыва из всего госпиталя уцелели только он да вытащившая его из полямья медсестричка Раечка Гаврюшина. Потом было назначение в другой госпиталь. И он упросил начальство, чтобы их отправили вместе. Беда сближает людей, кому, как не Алёне, пережившей оккупацию, этого не понимать?

И она не ошибалась. Илья был поначалу очень благодарен, а спустя время и вовсе ему стала невероятно дорога эта – и росточку-то – метр с кепкой, – а спасшая его, здорового парня, сестричка.

Любовь, она не спрашивается, где ей случиться. А на войне уж, ясное дело, когда бесценна каждая минута жизни, ещё острее хочется тепла, хочется счастья и жизни, жизни!

На пятом месяце, когда беременность уже невозможно было скрывать, Раечку комиссовали. Но, как сообщили потом Илье, эшелон, в котором она возвращалась домой, разбомбили. Почти никто не остался в живых.

А вскорости и самого капитана тяжело ранили. Провалившись в тыловом госпитале почти три месяца, он попал в другую часть, и след его затерялся меж фронтов.

Раечка же, добравшись, наконец, до своей бежецкой бабушки, – всех остальных её родичей забрала война, – разрешилась мальчиком. Алёна видела карточку: с лица – истый Илья. Пря-

таки его «потретик». Девятый годок уже пошёл пацану...

Раечка, в надежде, что Илья уцелел, не опу-
скала рук. И куда, и кому она только ни писала!
И только летом пятидесятого нащупала его след.

А потом это, такое счастливое для Ильи и
такое разнесчастное для Алёны письмо... Ну, как
не отпустить?.. Сама ведь мать...

